

Захаров Михаил Юрьевич
 д-р филос. наук, ФГБОУ ВО
 «Государственный университет
 управления», Москва
e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

РИТУАЛ КАК КЛАССИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КИТАЯ (ФИЛОСОФСКО- СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. Исследована природа китайского ритуала и особенности его применения в социальной сфере общества, выявлен потенциал ритуала как социальной технологии. Проанализировано современное научное понимание ритуала, изучено содержание внутренней и внешней сторон, показана их взаимосвязь и взаимозависимость, предпринята попытка осмысления роли ритуала в традиционной культуре. Сделан вывод о социальной значимости ритуала, его месте в сложном механизме самосохранения и воспроизводства социального поведения, выполнении социально значимой функции традиционного регулятора стабильной жизни современного Китая.

Ключевые слова: ритуал, социальная технология, социология китайской культуры, внутреннее и внешнее, социальная гармония.

Zakharov Mikhail
 Doctor of Philosophy Sciences, State
 University of Management, Moscow
e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

RITUAL AS A CLASSICAL SOCIAL TECHNOLOGY OF CHINA (PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Abstract. The nature of Chinese ritual and features of its use in the social sphere of society have been examined. The potential of ritual as a social technology has been revealed. The modern scientific understanding of the ritual has been analyzed, the content of the internal and external aspects has been studied, their interconnection and interdependence have been shown, an attempt has been made to understand the role of the ritual in traditional culture. The conclusion has been made about the social significance of the ritual, its place in the complex mechanism of self-preservation and reproduction of social behavior, the socially significant function fulfillment of the stable life, traditional regulator in modern China.

Keywords: ritual, social technology, sociology of Chinese culture, internal and external, social harmony.

Жизнь Китая до начала XX в. была неразрывно связана с различными ритуалами, поэтому его называли «государством ритуала», «государством ритуала и музыки». К этим названиям правомерно добавить «государство конфуцианского ритуала», так как именно Конфуцию и его последователям принадлежит историческая заслуга в обосновании этого феномена.

Исходный термин «ли» (традиционное написание 禮, современное 礼) состоит из двух иероглифов, первый из которых обозначает самую значимую, наивысшую точку мироздания, а второй – точку конца, являющуюся в то же время и точкой начала мироздания (эта точка некий предел или граница существования). Есть достаточно много переводов данного термина: благопристойность, традиция, обычай, правило, обряд, церемония и т. д. Но самым употребляемым, наиболее известным является «ритуал» и соответствующее изображение в форме культового сосуда, над которым совершаются различные ритуальные действия.

Сегодня ритуал рассматривают как определенную социальную технологию, представляющую собой пригодную для практического использования теоретическую конструкцию, объединяющую в себе определенную совокупность различных знаний и практического опыта, позволяющую рациональным образом организовать конкретный часто повторяющийся деятельностный процесс. При этом рационализация предполагает возможность экономии затрат труда, времени, энергии или материальных ресурсов, необходимых для реализации этого процесса. Исходным и конечным результатом социальной технологии выступает человек, а его

качества, особенности, свойства – это основные параметры изменения. Практическое использование социальной технологии позволяет многократно повторяющимся действиям в социуме придать управляемый характер и даже получить статус формально утвержденного или официально узаконенного порядка. Последних, в случае получения статуса социально значимого, может трансформироваться в устойчивую традицию.

Ритуал активно изучается отечественными и зарубежными учеными. Немецкий исследователь К. Вульф выделяет следующие характеристики ритуала: телесность, перформативность, экспрессивность, символичность, регулярность, неинструментальность, эффективность, однородность, ограниченность во времени и пространстве, публичность, операционность [1]. Американский социолог Э. Гофман основополагающим в осмыслении природы и сущности ритуала считает социальное взаимодействие, которое является сущностной чертой человеческого существования [2]. Российский китаевед А. А. Маслов в работе «Китай: колокольца в пыли странствия мага и интеллектуала» говорит о глубинной мистической основе любого ритуала – особом переживании, которое позволяет человеку перейти из одного состояния в другое. «По сути вся конфуцианская идеология говорит о тщательном соблюдении того, что в современной науке именуется «ритуалом перемены статуса» [8, с. 64].

Социологический подход к рассмотрению ритуала как социальной технологии требует обращения к социокультурной основе формирования классического ритуала в старом Китае. Для понимания глубинной природы ритуала следует обратиться к известному китайскому методологическому приему выделять в любой вещи внутреннюю и внешнюю стороны. Существуют различные интерпретации данных сторон, например, как «небытие» и «бытие», «малое» и «большое». Но в связи с отсутствием в древнекитайском языке глагола «быть», могут использоваться глаголы «не иметься» и «иметься», т. е. речь идет об отсутствии и наличии. На это указывает известный китайский мыслитель, очень популярный среди сторонников конфуцианства Ван Би (Ван Фусы). Когда его спросили: «Если «у» (отсутствие) лежит в основе всех вещей, почему Конфуций не говорил об этом, тогда как Лао-цзы говорил об этом безостановочно?». Он ответил: «Совершенномудрый (Конфуций) отождествил себя с «у» (отсутствием) и понял, что этому нельзя обучить, поэтому он вынужден был говорить о «ю» (наличии) [9, с. 242].

В духовной культуре старого Китая сложилось понимание того, что внутреннее и внешнее присутствует в каждой вещи, причем потенциал внутреннего более велик, и впоследствии этот потенциал может проявиться во внешнем, если для этого будут созданы определенные условия. Формируется своего рода круг, верхняя точка которого задает ритм мирового развития, повинувшись которому круг может повернуться, и нижняя невидимая, неосязаемая точка обязательно попадет на верхнюю позицию. Целостность мироздания постоянно отражается в проходящем элементе мирового круговорота, каковым является реальный окружающий мир. Следовательно, всякая внутренняя сторона вещи предполагает соприсутствие своей противоположности – внешней стороны. Первая предвещает появление, формирует саму возможность существования видимой стороны, и китайцы всегда считали доминирующей именно внутреннюю сторону, в ней заключено потенциальное богатство мира.

Возможны различные формы существования внутреннего и внешнего. Одной из форм существования внутреннего выступает покой (靜, цзин), как «государь поспешности», свидетельство отсутствия какого-либо движения и изменений в целом, показатель нахождения в центре, в точке так называемого «Великого Предела» [4; 6, с. 184]. Здесь царство невмешательства в естественный ход событий, все находится в свернутом состоянии, это потенциальная фаза нового рождения круга на более высоком витке спирали, ведущей к совершенному порядку. Покой предшествует движению в противоположную сторону, где в форме проявятся внешние признаки сущности.

Другой формой внутреннего является пустота (虛, сюй). Она не связана с отсутствием чего-то внутри пустотного пространства. Пустота в китайском традиционном понимании – это присутствие в каждой вещи; она не пуста, так как всегда «пустое полно» [6, с. 183]. Именно здесь пребывает истинная наполненность и неисчерпаемость, ведь «Дао совершенно пусто, но при пользовании им его, пожалуй, не наполнить» [6, с. 176]. Пустота всегда динамична и изменчива (чтобы быть пустой, пустота должна не только постоянно опустошаться, вмещать в себя, соответствовать изменениям самих вещей, но и всюду проникать), она также временна, и это обязательное условие (этап) переходного состояния формы вещей, реализации сущностной полезности.

Пустота является одной из базовых категорий духовной китайской культуры. В соответствии с даосским подходом, мы можем на обыденном уровне воспринимать вещи, обладающие только вещественными характеристиками, но к результату в действии приводит только то, что нами не воспринимается, а оно обладает иными, именно пустотными характеристиками, которые отсутствуют в нашем опыте и тяжело поддаются познанию. Здесь применима даосская практика «поста сердца», о которой говорит Чжуан цзы: «Сделай единой свою волю: не слушай ушами, а слушай сердцем, не слушай сердцем, а слушай духовными токами. В слухе остановись на том, что слышишь, в сознании остановись на том, что думается. Пусть жизненный дух в тебе пребудет пуст и будет непроизвольно откликаться внешним вещам. Путь сходится в пустоте. Пустота и есть пост сердца» [7, с. 14].

В даосской традиции сущность вещей заключена не во внешних формах, а во внутренней пустоте. «Ступицу окружают 30 спиц, но пользоваться повозкой позволяет пустота отверстия в ступице. Мнут глину, чтобы вылепить сосуд, но пользоваться сосудом позволяет его пустота. Строя дом, проделывают дверь и окна, но пользоваться домом позволяет его пустота. Приносит пользу то, что в них имеется, но пользоваться ими позволяет то, чего в них нет» [6, с. 178]. Подтверждением этого является длительная продуктивная жизнь ритуала в истории Китая, где и сегодня мы встречаем его различные проявления. Именно внутренняя форма ритуала, каковой является пустота, обеспечивает не только историческую продолжительность существования ритуала, но и его постоянное сущностное обновление. Здесь, на самом деле, мы имеем дело с очень сложным взаимодействием, которое проявляется в том, что внешняя сторона ритуала нуждается в постоянном существовании внутренней пустотной формы, последняя же не имеет самостоятельного существования и нуждается во внешней форме. Существование этой пустоты полностью зависит от постоянной реализации самого ритуала, изменяющаяся действительность, а вместе с ней и люди должны изменяться и возвращаться к исходному ритуалу, что, безусловно, требует значительных усилий. При этом следует заметить, что внутреннюю пустоту ритуала использовать полностью невозможно. Пустота по своей природе является всеобщей формой Дао, а последнее, как известно, неисчерпаемо. Можно приблизиться к Дао, но овладеть им окончательно невозможно, ведь окончательность, исчерпаемость несвойственны Дао. Причем, чем больше мы находим эффективных средств для овладения Дао, тем дальше оно от нас удаляется.

Одним из условий эффективности ритуала является символичность, так как несмотря на многообразие ритуальных действий, они всегда должны иметь символическое значение. Символичность находит свое конкретное выражение в повседневной жизни в форме специализированных ролей с набором соответствующих элементов: ритуальные формы поведения с комплексом различных жестов, многообразием типовых социальных масок, фиксированной речью (например, установленные стандартные фразы). Для внешней стороны важны игровой характер, что дает определенную новизну при повторениях, и обстановка, в которой проходит ритуал: особое убранство помещения, жертвенная утварь, праздничные одежды, музыка. Последняя имеет особую магическую силу, воздействовавшую на людей и духов. Для наиболее важных мероприятий (в честь Неба, Земли, предков императора) формировались даже целые оркестры из самых разных музыкантов, разрабатывался строгий регламент, когда, кому и на каких инструментах играть. Каждая династия в старом Китае устанавливала свою систему музыкальных ладов.

Музыка формирует основу ритуального сакрального пространства, в котором время останавливается, прошлое, настоящее и будущее находятся в гармонии, границы между живыми и мертвыми стираются. Но это относится только к серьезной музыке, рождающей высокие и благородные чувства, способствующей единению внутреннего и внешнего в ритуале, так как, только она способна говорить языком чистой выразительности и может обращаться непосредственно к сердцу каждого участника данного процесса. Но это связано не с воспринимаемыми человеком звуками, а с тем беззвучным, что составляет музыку пустоты.

Другим важным элементом внешней стороны ритуала, наряду с музыкой, выступали танцы, которые то же строго регламентировались: количество танцоров, их репертуар, время и порядок выступления. Определяющим фактором здесь являлся статус организатора ритуала и важность самого мероприятия.

Одной из фундаментальных работ об особенностях ритуала является одна из книг конфуцианского канона «У-Цзин» («Пятикнижие») под названием «Ли цзи», которая на русский язык переводится как «Книга установлений», «Книга обрядов». Она была положена в основу обучения знаниям в старом Китае и без ее правильного осмысления невозможно было сдать государственный экзамен, получить любую управленческую должность,

да и в целом, претендовать на звание культурного человека. В данной конфуцианской работе были описаны 300 основных и еще 3 000 дополнительных ритуалов, которые охватывали практически все сферы жизни общества: семья, старшие и младшие, начальники и подчиненные, правитель подданные, социум и государство. В ней подробно описаны правила приветствия, дарения, захоронения, в другие важнейшие жизненные акты. Это были не просто правила, а подробный алгоритм, невыполнение которого могло повлечь серьезные общественные санкции [3].

Ритуал формирует определенную предзаданность, которая находит свое проявление в определенных ментальных конструкциях, формирующих последующие устремления. Это своего рода «бестелесный» ритуал, где необходимо «особое думание», связанное с определенным состоянием сознания, позволяющим установить гармоничные отношения с Небом. Совокупность ментальных конструкций, выверенных и отшлифованных элементов ритуала формировали нормы и образцы достойного, социально значимого поведения, которое в старом Китае считалось высшей формой поведения человека в обществе. Последнее помогало Поднебесной встроиться в ритм самой вселенной.

Все категории людей в обществе так или иначе имеют отношение к ритуалу, который заставляет каждого искать путь к себе, где и реализуется мера всех добродетелей и социальности в целом. Путь – это всегда мост между тем, чем человек является сейчас и тем, чем он может стать в будущем; некий идеал, достигаемый в результате тяжелого труда. Даже сам Конфуций не считал себя образцом человечности и затруднялся указать людей в своем окружении, обладавших истинной человечностью.

Ритуал фактически снимал с человека необходимость принимать самостоятельное решение о форме действия в той или иной жизненной ситуации, формировал необходимую связь с требуемой системой социальных отношений и ценностей, при этом лишая сам ритуал какого-либо самоценного значения. Любое ритуальное действие соединяет людей разных по возрасту и социальному положению, при этом сохраняя оптимальную дистанцию, способствующую общественной соразмерности любых действий, а тот, кто смог воплотить ритуал, смог стать благородным мужем. Следовательно, чем ниже находится человек на социальной лестнице, тем менее ритуализирована его жизнь.

Безусловно, не каждый может воспользовавшись ритуалом стать благородным мужем, но каждый может приблизиться к нему, встав на путь самосовершенствования, усвоения норм и правил ритуала, нахождения своей «золотой середины». Последняя – очень важный элемент пути любого человека, позволяет избежать любой крайности, выработать чувство меры как составной части постижения ритуала, который придает чувствам надлежащую форму. Жить по ритуалу – означает идти «серединным путем». И Конфуций, наставляя своих учеников, говорил: «Можно иметь дело с людьми, идущими «путем неуклонной середины» [5, с. 230]. На практике, чем больше человек погружается в ритуал, тем ближе он приближается к требуемым качествам. И примером здесь должна служить жизнь идеального правителя, которая полностью ритуализирована, что позволяет ему распространять гармонию и порядок на всю Поднебесную. Только полностью подчинив свою жизнь ритуалу, правитель способен это осуществить.

Лишая в определенной мере человека самостоятельности в суждениях и действиях, ритуал вводит его в область «межчеловеческого», разрушает социальную изолированность, формирует сложную систему взаимоотношений с Небом, правителем и социумом в целом. Все это очищает общественную жизнь от всего случайного, формирует единое и целостное социальное пространство, что в свою очередь составляет основу человеческого общежития, воспитания в людях человечности. Ритуал является фундаментом всей человеческой деятельности, ведь общество, где люди не соблюдают предписанные нормы и правила, не способно существовать и успешно развиваться. В дальнейшем это правило стало основным принципом организации управления китайским обществом, а общепринятое поведение приобрело ритуализированный характер.

Проблема синхронизации взаимодействия между внутренним и внешним является вечной проблемой, имеет непосредственное отношение к китайской всеобщей модели мира, предполагающей развитие глубоких взаимосвязей Неба, Земли и людей, естественного выражения изначального вселенского согласия, которое не может быть до конца осмыслено человеческим сознанием. Ритуал, являясь элементом космологической схемы старого Китая, устроен на тех же принципах, что и принципы соразмерности частей, ритма, гармонии космоса, общества и мира в целом. Китайская всеобщая модель мира предполагает существование двух миров: один мир внутренний (не явный или неявленный), другой мир внешний (явный или явленный) и в соответствии с традицией

внутреннее всегда истинно и вечно, постоянно главенствует над внешним, по природе своей хрупким и временным, напротив, внешнее, являясь видимой стороной внутреннего, гармонизирует само внутреннее. В этом взаимодействии существует скрытый регулятор, который бесконечно направлен на сохранение баланса между внутренним и внешним, способствует превращению невидимого в видимую и осязаемую форму в ходе ритуального действия. Нарушить данное взаимодействие, значит нарушить ритуал и тем самым нарушить духовный энергетический баланс, как основу процветания Поднебесной.

Духи предков способны напитать мир благодатной энергией, следовательно, ритуал изначально сотворили совершенномудрые правители древности, они же установили нормы и правила жизни Поднебесной, которые являются отражением воли Небес. Древняя первооснова не может быть познана традиционным путем, она находится вне границ саморефлексии человека. Человек не способен получить ответ на вопрос «Почему древние поступали именно так?», он должен выполнять ритуал без рационального осознания природы конкретного действия. Здесь лишь важно понимание того факта, что соблюдение ритуала является высшим законом жизни, который передали древние. Несмотря на это, даже каждодневно совершая ритуальные действия, люди не всегда рационально осознают, что они делают, порой вообще не замечая этих действий.

Главное, что позволяет формировать и поддерживать ритуал – баланс духовных энергий мира, который Конфуций называл гармонией. Последняя реализовывалась как единство Неба и человека, как единство всех людей Китая и как единство внутри самого человека. Причем во всех случаях одно всегда дополняет другое, что позволяет осуществлять совместное развитие и перенимать все лучшее. В реальной жизни социальная гармония выражается в построении гармоничного общества, составными частями которого являются процветающее государство, стабильная семья, высоконравственный человек. Возможно, это некое идеальное восприятие, но оно является нормальным стимулом для развития. Это хорошо понимали конфуцианцы, когда формировали свою теорию гармонии и порядка. Впервые употребив термин «гармония» в «Шу-цзин» («Книга истории» или «Книга документов») они связали ее с музыкой, которая является лучшим способом соединения человека с духами, а следовательно, человека с природой. Впоследствии это понимание они распространили на порядок в обществе и гармонию души и тела самого человека.

Как свидетельствует историческая наука, на протяжении всей истории Китая происходили самые различные изменения в природе ритуала, начиная от эзотерического и сакрального до эзотерического и открытого, и как следствие, шел постепенный процесс выхолащивания религиозной практики из ритуальной конструкции. Учитывая это, современные специалисты, акцентируя внимание на коммуникативной основе ритуала, условно выделяют ритуалы, в которых «задействованы» только люди и ритуалы, в которых «задействованы» люди и духи. Но Конфуций и его последователи более широко понимали ритуал, пытались приспособить священный ритуал к управлению государством, тем самым установить гармоничную связь между Небом и Землей. С их подачи ритуал становится базовым элементом управленческой системы Китая.

Таким образом, на протяжении всей китайской истории ритуал являлся важнейшим элементом сложного механизма самосохранения и воспроизводства социального поведения, определенным регулятором стабильной жизни Поднебесной и практически каждый значимый шаг человека был так или иначе связан с его реализацией. Сегодня традиционный китайский ритуал является важнейшей социальной технологией, формирующей повседневное поведение и ментальность современных китайцев.

Библиографический список

1. Вульф, К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. – СПб.: Интерсоцис. – 2009. – 164 с.
2. Гофман, Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман; под ред. Н. Н. Богомоловой и Д. А. Леонтьева; пер. с англ. С. С. Степанова и Л. В. Трубицыной. – М.: Смысл. – 2009. – 318 с.
3. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. – М.: Мысль, 1973. – Т. 2. – 384 с.
4. Захаров, М. Ю. Феномен управления в духовной культуре России и Китая / М. Ю. Захаров, В. Ф. Бородич, Л. И. Кондрашова и др. – М.: Издательский дом ГУУ, 2017. – 357 с.
5. Конфуций. Суждения и Беседы. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 304 с. – Серия «Путь мастера».
6. Лаоцзы. Книга о пути и добродетели (Даодэцзин) / Сост., перевод, предисл., коммент. И. И. Семенов. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. – 528 с.
7. Малявин, В. В. Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М.: Мысль. – 1995. – 440 с.

8. Маслов, А. А. Китай: колокольца в пыли странствия мага и интеллектуала. – М.: Алетея, 2005. – 376 с.
9. Фэн, Ю-лань. Краткая история китайской философии / Ю-лань Фэн; пер. Р. В. Котенко, науч. ред. Е. А. Торчинов. – СПб.: Евразия, 1998. – 376 с.

References

1. Vul'f K. K. genezisu sotsial'nogo. Mimesis, performativnost', ritual [*The Genesis of the social. Mimesis, performativity, ritual*], SPb.: Intersotsis, 2009, 164 p.
2. Gofman E. Ritual vzaimodeistviya: ocherki povedeniya litsom k litsu [*Ritual interaction: essays on face-to-face behavior*], pod red. N. N. Bogomolovoi i D. A. Leont'eva; per. s angl. S. S. Stepanova i L. V. Trubitsynoi, M.: Smysl, 2009, 318 p.
3. Drevnekitaiskaya filosofiya. Sbranie tekstov v dvukh tomakh [*Ancient Chinese philosophy. Collection of texts in two volumes*], M.: Mysl', 1973, T. 2, 384 p.
4. Zakharov M. Yu., Borodich V. F., Kondrashova L. I. [et al.]. Fenomen upravleniya v dukhovnoi kul'ture Rossii i Kitaya [*The phenomenon of governance in the spiritual culture of Russia and China*], M.: Izdatel'skii dom GUU, 2017, 357 p.
5. Konfutsii. Suzhdeniya i Besedy [*Judgments and Conversations*], Rostov n/D: Feniks, 2004, 304 p. – Seriya «Put' mastera».
6. Laotszy. Kniga o puti i dobrodeteli (Daodetszin) [*The book of the way and the virtue (Duodecim)*] / Sost., perevod, predisl., komment. I.I. Semenenko. – M.: TERRA-Knizhnyi klub. – 2008. – 528 p.
7. Malyavin V. V. Chzhuan-tszy. Le-tszy [*Chuang-Tzu. Le-Tzu*], M.: Mysl', 1995, 440 p.
8. Maslov A. A. Kitai: kolokol'tsa v pyli stranstviya maga i intellektuala [*China: of a bell in the dust of the journey the magician and the intellectual*], M.: Aletea, 2005, 376 p.
9. Fen Yu-lan'. Kраткая istoriya kitaiskoi filosofii [*A brief history of Chinese philosophy*], per. R. V. Kotenko, nauch. red. E. A. Torchinov, SPb.: Evraziya, 1998, 376 p.